

νήσου = a principe in insulam, или 401₁: Νικήταν τὸν Ἀνδρακα καὶ ἄρχοντα τοῦ τευχίου = Titichei; 481: ἀλλὰ καὶ λίαν = sed et oppido.

Всматриваясь, однако, в вереницы ошибок, мы убеждаемся, во-первых, в том, что их (в особенности непростительных) сравнительно не так уже много в огромном труде Анастасия, а во-вторых, подавляющее большинство их произошло отчасти из-за неразборчивости и слитности письма и неисправности самого греческого оригинала, отчасти же от своеобразного приема перевода, которым, как выясняется, воспользовался Анастасий — для ускорения ли работы, или потому, что он лучше понимал звуки греческой речи, чем ее начертания. Такие ошибки, как ἡσθεὶς ἐπὶ τούτῳ = hoc advertens; ἡσχυρόνη = praevaluit; παρρησία = in praesentia; διὰ τῆς... ἡπείρου = per Epirum; ἐπὶ Σύλλεκτον = electum; ληφθεῖσα = λειφθεῖσα; ἡ θεία φωνή (ἡ Θία φωνή) = propria voce (ἰδίᾳ φωνῇ?); κατ'αὐτῶν contra eum; ὡς οἱ = ὅσοι, могли, и притом очень легко, быть сделаны лишь в том случае, если Анастасий переводил со слуха, т. е. если кто-либо, знавший греческий язык, ему меланхолично вычитывал слово за словом Феофана, а он писал, передавая по-латыни каждое слово, каждый союз, каждую букву, стараясь не пропустить ничего, не изменить даже расстановки слов. Иначе погрешности, в духе вышеприведенных, оказываются совершенно непонятными. Если же принять такой способ перевода Анастасия, то объяснимы станут и иного рода ошибки его. В процессе работы и переводчик мог временами не так внимательно вслушиваться, и чтец мог допустить неверные разделения слов в слитной и сокращенной греческой скорописи. Отсюда и могли возникнуть такие недоразумения, как: περί Τορέαν = circa Mean; εἰς Τόμην = in Men; ἐν Γαζακῶ τῆ πόλει = apud Gazacote civitatem; Ἀσκήλ τοῦ ῥηγός = Ascelti regis; υἱός τοῦ Φάν = filius Turhan; Ρογά τοῦ Ἀφρου = Rogati Afri; ἀλλὰ καὶ (τό?) λίαν = sed et oppido.

Эти lapsus-ы перевода любопытны тем, что позволяют проникнуть в кабинет и лабораторию Анастасия, а может быть, и вообще средневекового переводчика. Но сказать вместе с де Боором, что они понижают ценность Трехчастной истории в рецензии греческого текста Хронографии Феофана — было бы решительно несправедливо: скорее наоборот. Ведь ошибки перевода, почти все без труда объяснимые, так же без труда и заметны при сопоставлении с греческим текстом, а из последнего обнаруживается, что переводчик до чрезвычайности точен, до буквальности отчетлив, не решаясь пропустить даже плохо разобранные и затемняющие смысл латинской речи слова.⁵⁰ Оттого у Анастасия так много непереверденных греческих слов, написанных латинскими буквами, как stratigos, spudastae, apud Voï, monasterium Diu, logotheta tu dromu, даже nobesimus (nobilissimus).

Но чем беспомощнее труд Анастасия как литературное произведение, чем примитивнее как перевод, тем, надо полагать, он ценнее в качестве пособия для исследования подлинной речи Феофана-летописца. Ввиду вышеприведенных соображений, в дальнейшем изучении и анализе данных Хронографии Феофана о так называемом иконоборческом движении, как основной текст и состав я уже уверенно могу выдвинуть перевод Анастасия как наиболее приближающий нас к первоначальному повествованию Феофана.

⁵⁰ Это выдвигает и Г. П. Преображенский. Назв. соч., 50. Приведу один пример: Theoph., 442₁₉: κατ'αὐτῆς Πέτρον τὸν ἀοιδίμον στυλίτην ἀπὸ πέτρας. — Переводчик прочитал или расслышал здесь μέτρας, и хотя мог без ущерба для смысла опустить эту бессмыслицу, все-таки покорно написал ничего не значащее a metra.